

УДК 122/129; 316.7; 14
DOI 10.23683/2227-8656.2019.6.5

**ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ
И КОЛЛЕКТИВИСТИЧЕСКИЕ
ВЫБОРЫ ЛИЧНОСТИ
КАК ЯВЛЕНИЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ**

**INDIVIDUALISTIC
AND COLLECTIVISTIC
ELECTION OF PERSONALITY
AS A PHENOMENON
OF SOCIO-CULTURAL
IDENTIFICATION**

Бабошина Елена Борисовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
магистр философии, доцент,
кафедра педагогики и методики
преподавания гуманитарных дисциплин,
Курганский государственный университет,
г. Курган, Россия,
e-mail: ebaboshina@rambler.ru

Elena B. Baboshina

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Master of Philosophy, Associate
Professor, Department of Pedagogy and Me-
thodology of Teaching Humanities,
Kurgan State University,
Kurgan, Russia,
e-mail: ebaboshina@rambler.ru

Екимова Татьяна Игнатьевна

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент, кафедра педагогики и методики
преподавания гуманитарных дисциплин,
Курганский государственный университет,
г. Курган, Россия,
e-mail: kgu_pf@mail.ru

Tatyana I. Ekimova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Department of Pedagogy and Me-
thodology of Teaching Humanities,
Kurgan State University,
Kurgan, Russia,
e-mail: kgu_pf@mail.ru

Целью статьи является анализ личностных выборов студентов в альтернативе индивидуализм – коллективизм. Статья содержит анализ выборки ценностных позиций современной личности по вопросу ведущего куль-

The purpose of the article is to analyze students' personal choices in the alternative individualism - collectivism. The article contains sample's analysis of the value positions of the modern personality on the issue of the leading cultural syn-

турного синдрома. Теоретическим посылом к исследованию послужили труды Г. Триандиса, а также работы Н.М. Лебедевой о социально-культурных особенностях типов обществ. Качественные изменения за последние десятилетия в обществе России повлекли изменения всех его уровней, что повлияло на ценностные позиции в идентификации личности. Эмпирическим методом изучения явился тестовый опрос по ведущим ценностным предпочтениям дилеммы индивидуализм – коллективизм, составленный Е.Б. Бабозиной. Вопросы учитывают индивидуалистические и коллективистические различия (двадцать ценностных альтернатив), запрашивая «свой выбор». Анализ итогов опроса нашел отражение в статье.

В интерпретации особенностей социокультурной идентификации личности авторы опираются и на отечественных исследователей, исследующих социально-культурное развитие России (В.В. Ковалев (2015), А.В. Лубский (2013, 2014), А.Р. Лубский (2014), М.К. Горшков (2012, 2013, 2019) и др.); к анализу привлечены также труды классиков социологии, философии (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Изучение идентификации с учетом отечественных и общих тенденций социального развития проявило типичные для современности ценностные позиции становящейся личности. В интерпретации данных учитывается особенность контингента респондентов в двух компонентах: территориальный (Зауралье) и профессиональный (будущие и работающие педагоги, менеджеры образования, педагоги-психологи; большей частью – представители женского пола) компоненты. В итоге сформулировано понимание нового взаимодействия черт менталитета с актуальным ценностным выбором личности, где особенность профессиональной сферы респондентов наводит на мысль о вероятном закреплении «ценностного климата» в следующем поколении.

Ключевые слова: индивидуализм; коллективизм; идентификация; ценностный выбор; поликультура; социально-культурное пространство становления личности.

drome. The theoretical message for the study was the works of H. Triandis, as well as the works of N.M. Lebedeva on the socio-cultural characteristics of different types of societies. Over the past decades, qualitative changes at all its levels have occurred in Russia, that have influenced on important positions in personal identification. The empirical method of study was a test survey of leading value preferences of individualism - collectivism dilemma. The survey was compiled by one of the authors of the article Helen B. Baboshina. The questions take into account individualistic and collectivistic differences (twenty value alternatives) by asking for “your choice”. The analysis of the survey results is reflected in the article.

In the interpretation of the features of socio-cultural identity, the authors rely on domestic researchers investigating the socio-cultural development of Russia (V. V. Kovalev (2015), A.V. Lubsky (2013, 2014), A. R. Lubsky (2014), M. K. Gorshkov (2012, 2013, 2019), others); the analysis also involves the works of classics of sociology, philosophy (E. Durkheim, T. Parsons). The study of identification taking into account domestic and general trends of social development showed typical for the present value positions of the emerging personality. The interpretation of the data takes into account the peculiarity of the respondents' contingent in two components: territorial (TRANS-Urals) and professional (future and working teachers, education managers, teachers - psychologists; mostly-representatives of the female sex) components. As a result, the understanding of the new interaction of the features of mentality with the actual value choice of the person, where the peculiarity of the professional sphere of respondents suggests the likely consolidation of the “value climate” in the next generation, is formulated.

Keywords: individualism; collectivism; identification; value choice; polyculture; socio-cultural space of personality formation.

Введение

Социализация современной личности является сложным процессом ее субъектно-объектных взаимодействий, где ведущим социально-культурным вопросом остается ценностно-смысловой выбор в дилемме индивидуализм – коллективизм. Суть дилеммы раскрыта в трудах Г. Триандиса (2003, 2007). Н.М. Лебедева (1999) характеризует социализацию, показывая преимущества и недостатки каждого типа социализации. Е.Б. Бабошина (2001, 2006), изучая индивидуалистические и коллективистические (И-К) позиции студентов педагогических специальностей и специалистов сферы образования, видит качество выбора в связи со становлением социального интереса личности, поэтому ракурсом анализа И-К-выборов избрана связь смысла индивидуального выбора с его социально-ценностной значимостью.

В выборе важную роль выполняют установки воспитания. Стабильной тенденцией воспитания последних десятилетий выступает внимание к персоне, что приводит в массовых условиях к перекосам в сторону эгоизма и недоразвитию в личности качеств сотрудничества и толерантности, связанной с взаимодействием. Крайние формы индивидуализма формируют в молодом поколении культурный дефицит мотивов социальной поддержки, умений кооперации в достижении цели. При этом положительным результатом усиления индивидуализма выступает рост интереса к самореализации, толерантности, восприятию свободы других. Однако внимание к социально-ценностному становлению личности необходимо по причине неслучайности его результатов, где недостатки воспитания вызывают негативные черты и коллективиста, и индивидуалиста. Так, ранее Е.Б. Бабошиной отмечался рост поведенческих мотивов, связанных с круговой порукой, опасной, как известно, развитием криминогенной психологии, что особо проявляется в тенденции к горизонтальному коллективизму (отношения «свой – чужой») (Бабошина, 2006. С. 334). К тому же, по Н.М. Лебедевой (2000), выраженный индивидуализм сопровождается социальным невротизмом, ростом тревожности, числа лиц с суицидальным поведением, форм одиночества.

Значит, в социально-психологическом анализе социализации по синдрому И-К необходим акцент на ценностных чертах личности, задающих образ я, я-концепцию. Социально-культурный подход предлагает типологию обществ, где мы развиваем позицию культуролога Л.А. Черной (Черная, 1999) о чертах обществ личностного и внеличного типов: первый близок антропоцентрическому существованию

личности и социальных групп (черты: динамичность, гибкость, субъектность), а второй – теоцентрическому (черты: негибкость, традиционность ценностных установок). Желаемый же для гуманного общества смысл – развитие поликультуры – может осуществляться «только в полистилизме» и при влиянии готовых к нему людей (Ионин, 1998). Неслучайно и М. Хайдеггер (Хайдеггер, 1997) видел в субъекте не только социально-исторический продукт, но шанс к появлению «мы» вместо произвола «я». Исследователь менталитета И.Б. Муравьев (Муравьев, 1998) справедливо подчеркивает, что время крайностей прошло. Таким образом, поликультурное воспитание включает выборы индивидуализма и коллективизма, но понимаемые конструктивной надстройкой лучших черт менталитета как ценностной основы общества. Важное же содействие поликультуре может происходить благодаря образованию, субъекты которого (педагоги, менеджеры) готовы поддерживать такое развитие и действовать в полистилистических условиях.

Подходы к социально-культурной идентификации через менталитет

Понимание черт социально-культурной идентификации современной личности невозможно вне связи с менталитетом. И.Б. Муравьев, Д.В. Полежаев и другие ученые видят в последнем глубину психических и социокультурных особенностей бессознательного и осознанного характера. Д.В. Полежаев выделяет горизонтальные (восприятие, оценка, поведение) и вертикальные моменты менталитета (установки индивидуального и массового действия, где установка есть «фон к восприятию явлений», «средство саморегуляции») (Полежаев, 2003. С. 4–6). В качестве особенности русского сознания ученый выделяет приоритет любви по сравнению со справедливостью: «Русская любовь не закрепощает, не ограничивает, но освобождает человека», однако стремление к правде, по его мнению, не мешает разбрасываться талантами, тормозить творческое развитие идей в обществе; ученый солидаризируется с А.Я. Серебряным (Серебряный, 1999. С. 8) в том, что ценностные установки сильно влияют на позиции и уклад жизни (Полежаев, 2003. С. 109, 167). При этом формирование установок происходит прежде всего в семье, где индивидуализм и коллективизм проясняются пониманием своего и чужого в делении «мы – они», становясь содержанием *духовного* созревания. В *духовности* нам важно видеть способность к ценностному осмыслению себя и мира, задающему умение мыслить мир в нравственных категориях существующим, что

формирует стремление к участию или социальный интерес. Духовность смещает личностный центр взаимодействия в «другие» с сохранением ценного в «я», что формируется ценностно-духовной практикой и в образовании, необходимость чего видна из социологических данных.

Так, В.А. Ядов отмечает особую активность россиян в обустройстве своей жизни, но пессимизм в вопросе будущего страны, более сильную идентификацию среди близких, чем в иной культурной среде («эффект лилипута» (понятие польского социолога С. Оссовского)) (Ядов, 1999). По В.В. Титову, важны долгосрочные проекты задания образа будущего; Н.Л. Селиванова видит в поиске корней среди массовой молодежи не игру, а выход в сферу «я» и «мы»; при этом и другие ученые отмечают социально-культурные опасности становления: подмену жизненных понятий в сознании личности, потерю ценностей, неочевидность идеалов. В источнике приводится исследование кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в регионах России, которое показало, что если старшее поколение перенесло советскую модель в иные условия, то молодое поколение оказалось в социокультурном шоке (Идентичность современной России ... , 2012. С. 11–13). В итоге для новой личности характерны узкие социальные интересы, трудности в социально-культурной интеграции, склонность к принятию социальных симулякров.

Т.М. Кожевникова отмечает братство как важную черту менталитета российского народа, но также факт, что сейчас активно утрачиваются коллективистические начала, а российский индивид нуждается во всевидении коллектива, а опасностью является рост стремлений людей к демонстрации индивидуализма (Кожевникова, 2012). В решении ситуации, полагаем, важно снятие посылов ложного коллективизма и крайнего индивидуализма. Поэтому согласимся с В.В. Ковалевым, по которому кризис идентичности проявлен «мучительными поисками социокультурных особенностей и места отечественного социума» в цивилизации, поэтому в анализе важен учет ценностной акцентуированности в силу аксиологических стереотипов, где социальная роль, по Р. Мертону, есть «ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека» (Ковалев, 2015. С. 61, 73). Устойчивость нежелательного поведения, таким образом, преодолевается изменением предписаний в социальном поведении и взаимодействии, где роль личности, согласимся с В.В. Ковалевым, близка к социальной норме.

Нельзя не согласиться, что сложность российской современности видна в социальной аномии, или разрушении традиций (термин Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 1994)). Между тем для идентификации важны определенные ценности, приобретаемые в группе как общие, потому важна роль социальных институтов, где «реализуется практика социального научения», проблему социолог видит в развитии ценности потребления, что, по Т. Парсонсу (Парсонс, 2002. С. 80), приводит к «нищете ценностных ориентаций» (Ковалев, 2015. С. 65–67). Согласимся, что улучшение социального сознания не может быть легким, так как быстро обретенные ценности «легко утрачиваются» (Ковалев, 2015. С. 69). Добавим, что крайний индивидуализм разрушает все общество. Итак, исследования показывают сложность ценностного становления личности.

Особенности идентификации специалиста образования по культурному синдрому индивидуализм – коллективизм в Зауралье

По Г. Триандису, синдром есть совокупность ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения в его отличии (Триандис, 2003). За постсоветский период проявились ориентиры на кардинальную смену ценностных позиций в дилемме И-К (от вертикального коллективизма до крайнего индивидуализма), изменилась модель воспитания: от чувства коллективизма до конкурентоспособности и независимости, на что оказала влияние западная модель. Однако, по В.В. Веселовой, в частности, в американской модели превалируют интересы денег, богатства как критерия жизненного успеха, что уже в 80-е гг. проявило глубину морального кризиса (Веселова, 1999. С. 93). Для коллективиста же характерна боль за других, хотя по-разному оценивается близкое и чужое, что связано и с этикой умолчания, фактами несправедливости. И все же черты менталитета задают внутреннюю норму социализации, которая также трансформируется под влиянием условий среды.

Соответственно, в индивидуализации населения важно учитывать и социально-экономические сложности, вызывающие социальную неуверенность. Ситуация обострена в провинциях России, что накладывает отпечаток на социализацию. Так, В.А. Ядов видит в социальной неактивности груз непомерных, порой социальных сложностей для личности в достижении благополучия (Ядов, 1999). Причиной и следствием положения выступает социальное расслоение, ведущее к полярности интересов (Немчина, 2016; Левашов, 2015), в результате

чего массовая личность переводит макроцели на микроуровень, укрепляя этим порядок элит, ведущий к «молчаливому большинству» Ж. Бодрийяра (Бодрийяр, 2000). Мнение подтверждается и в нашем изучении студенчества Зауралья.

Исследование индивидуалистических и коллективистических позиций в 2019 г. проходило на базе Курганского госуниверситета. Респондентами явились студенты бакалавриата и магистратуры психолого-педагогического направления (будущие социальные педагоги, педагоги дополнительного образования, менеджеры образования, специалисты дошкольного и начального образования; четверть опрошенных составили педагоги со стажем от 3 до 15 лет). Случайная выборка – 85 человек. При этом соотнесение с данными предыдущих исследований, с участием студентов, педагогов психолого-педагогических специальностей, позволило утверждать неслучайность и данных результатов. При анализе проявились тенденции в социально-культурных позициях и предпочтениях.

Индивидуализм значимо доминирует в выборах: 73,16 % респондентов отдают предпочтение самореализации, а не позиции «гармония с обществом» (26,84 %); 94,4 % считают главной заботу о себе и близких в сравнении с «заботой о роли в обществе и преданности делу» (5,6 %); 88,5 % определяют поведение мотивацией к достижению в сравнении с мотивом принадлежности к кому-либо (чему-либо) (11,5 %). Индивидуалистический выбор характерен и при определении социально-культурной позиции и поведения. Так, 84,96 % отметили, что предпочитают образовывать привязанности и круги общения вместо поддержки того, «что получил в начале жизни» (15,04 %). Значим индивидуалистический выбор в преимуществе личных целей (68,44 %), а в пользу внимания к интересам близких и друзей высказались лишь 31,56 % опрошенных.

Исследование идентификации по показателю И-К (Бабошина, 2001, 2006 и др.) показывает рост не просто индивидуализма, но потребительского и эгоистических интересов личности. Часто эти позиции рассматриваются самими респондентами как готовность к отстаиванию личных интересов и как интерес к себе как личности среди других. О том, что в обществе происходит рост таких установок, косвенно свидетельствует факт, что более половины опрошенных склонны оценивать себя и других не по одним и тем же ценностным критериям, а в зависимости от того, какое место они занимают в их жизни. В данном опросе тенденция проявилась ярко: 31,86 и 68,14 %. Большее число

выборов оказалось в пользу коллективизма, хотя в иных случаях – наоборот.

Факты свидетельствуют, что, несмотря на рост индивидуалистической психологии россиянина (Лебедева, 2000; Кожевникова, 2012), в позиции проявилось сильное начало менталитетной коллективистской установки, например, в склонности к групповой психологии, что для нас есть показатель проявления горизонтального коллективизма, указывающий на развитие в российском обществе не только индивидуализма, но и горизонтального коллективизма с его узкими групповыми связями, опасного психологией коррупционного мышления. Такой выбор есть и показатель коллективистической установки в силу сложности социально-экономических условий, определяющих стремление личности к групповым связям, тогда как в менее значимых для выживания установках доминирует мотив индивидуализма. Так, в ответе, кому достанется лучшее угощение: близким и дорогим (38,4 %); любому гостю (61,36 %), второй выбор свидетельствует также о гостеприимстве, широте натуры, вызове мотива менталитетного коллективизма.

Альтернативность взглядов проявилась в вопросе о цели воспитания. 53,1 % будущих и сегодняшних педагогов, деятелей социальной сферы и образования предпочтительной отметили цель воспитания в духе верности самим себе, но 46,9 % выбрали смыслом воспитание в духе преданности и бескорыстия во имя интересов других. О том, что опрашиваемые стремились показать важность коллективистической позиции, но усвоили за период перемен и позицию уважения к интересам отдельной личности, свидетельствует и другой выбор: 57,82 % отметили, что в воспитываемой личности желают видеть способность к формированию взглядов и их защите, но 42,18 % подчеркнули важность умения соглашаться, считаться с мнением других. Невыраженность доминирующей позиции по двум последним вопросам является для нас признаком нормального социального отношения к взглядам своим и других.

В почти равном делении позиций оказалось толерантное умонастроение. К примеру, 81,42 % респондентов сочли нормальной возможность нахождения личности в разнородных социальных группах (индивидуалистический выбор, связанный с признанием социальной свободы себя и других), а только 18,58 % респондентов увидели в этом непоследовательность и фальшивость. Очевидно, что чувство индивидуальной свободы сегодня доминирует в личностном выборе, что про-

являет в новом поколении духовную установку к социальной независимости с возможностью нетипичного (не нормы) выбора.

С другой стороны, позиция чревата как показатель неустойчивости ценностной основы общества, которую отмечает Л.В. Баева (Баева, 2004), характерной и для мира в целом. В лучшем случае это – свидетельство гибкости отношения к свободе культурных предпочтений, толерантности, но в худшем – беспринципности либо ценностного разочарования, неопределенности.

Поводом к подобным размышлениям выступают ответы о частной жизни. Так, «маркой времени» в семейных позициях стало изменение социокультурного выбора в пользу сохранения отношений в конфликте между супругами, а не с родителями супругов (63,72 %). Интересен факт также предпочтения смысловой позиции для уверенности человека в себе: 68,44 % респондентов выбрали позицию «делать, что хочешь», только 31,56 % – «чтобы не быть обузой».

В развитии тенденции есть опасность снижения роли ответственности личности перед другими в пользу социального эгоизма, формально идентифицируемого с демократической позицией. Правда, оправдывающим право данного предпочтения выступил выбор в пользу признания разногласий в группе как «иногда очень полезных» (64,9 %), хотя весома и «миролюбивая» коллективистическая позиция («всегда вредны» (35,1 %)). Надеемся, что предпочтения строятся из желания развития отношений и личности, общества, а не наоборот. В признании важности социального конфликта могут проявляться гражданские мотивы, что подтачивает тезис о молчаливом большинстве. Однако выбор согласуется и с показателем готовности к индивидуальной и групповой конкуренции и в профессиональной среде, усиления мотива карьерного роста, отмечаемого Н.Д. Никандровым с начала 2000-х гг. как развитие ценности карьеры (Никандров, 2000).

В то же время, по результатам наших исследований, усиливается разделение значимости семьи и трудового коллектива (в пределах от 60 до 70 % выборов), что отражает вновь индивидуалистический мотив в понимании социальной свободы и демократических воззрений. Тогда внешне парадоксален результат по позиции сознательной идентификации личности в И-К. Так, 80,24 % опрошенных позиционируют себя коллективистами на работе, дома или везде. Не останавливаясь на каждой, отметим, что позицию «я – индивидуалист на работе» по названным критериям выделили 76,7 %. Мы видим в противоречии объяснимые моменты, которых, в нашем понимании, несколько, ведущими из них являются проявление менталеобразующих установок, цен-

ностная специфика педагогической деятельности, усвоение психологии провинции с ее групповыми связями и отношениями.

Баланс в дилемме И-К проявлен в вопросе о самооценке: 50,7 % респондентов ответили, что придерживаются норм и правил, но 49,3 % проявляют верность своим убеждениям, необязательно общепринятым; 54,3 % считают свой успех своей заслугой, а 45,7 % – еще и других. Однако индивидуализм оказался выражен в оценке поведения своего и чужого: 81,4 % в большей мере задумываются о себе и своем поведении, чем о других, при этом для себя 79,1 % опрошенных выбрали ценность скромного поведения в отличие от позиции «сам себя не похвалишь...» (20,1 %). Уже в приведенных данных нам виден образ личности, формируемой сегодня не случайным образом. Несмотря на индивидуальные различия, распространена тенденция к свободе и своему выбору. Если же учесть гендерный показатель (подавляющее число опрошенных – представительницы женского пола), то возникает еще более ясное восприятие действительности изменений в социально-культурной идентификации личности, поскольку традиционно в нашем обществе социальное положение женщины (девушки) выступает более зависимым. В то же время обобщение данных проявляет, как нам кажется, и тенденцию в России (Ядов, 1999) к идентичности среди своих, а не в обществе, что, по нашему мнению, не является лучшим условием как для построения гражданского общества, так и для усиления социальной значимости педагогических работников в их деятельности. Однако для нас оптимистичным здесь выглядит упомянутый показатель выбора для себя скромного поведения, а нежелание выделиться, что косвенно, через менталеобразующую особенность все же, полагаем, свидетельствует об уважительном отношении к другим, к духовным настроениям в обществе. И важно, если данная черта характерна для педагогов.

Заключение: к пониманию общего и особенного в социально-ценностном становлении современной личности россиянина

Итак, анализ выборов в дилемме И-К на примере случайной выборки будущих и сегодняшних педагогов показал еще раз, что в развитии общества важно усматривать связь социально-экономических условий и социально-ценностных умонастроений. Настрой же на другого возникает в случае духовного посыла нравственного намерения во взаимодействии, в основе которого социальный мотив к восприятию, а не отвержению другого. Духовная основа ценностного выбора выступает едва ли не единственной возможностью уйти от крайности, про-

ступающей сегодня в политике толерантности, где начиная с 2011 г. в Западной Европе проросли настроения ухода от поликультуры. Европейские настроения склоняются к «мускулистому либерализму» (Кэмерон), связанному с усилением главенства закона для сохранения демократии.

Для нас очевидно, что социальная позиция о толерантности может опираться только на само общество как культурно-исторический продукт развития, где искусственное приближение к поликультуре всегда выступает дополнительной опасностью искажения идеи демократии с ее ценностью свободы. В аналитическом докладе подчеркивается, что «к 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой среди наиболее значимых идентичностей», выросло ощущение связи с ней; в то же время есть симптом солидаризации «на обидах» (Двадцать лет реформ ... , 2011. С. 56, 205–206). Это означает, что искусственные подходы к формированию ценностного мира личности не приведут к позитивному результату.

Становление личности в ее духовном качестве должно служить в России ведущим залогом развития как счастья личности, так и благополучия общества. Понимание же ценности чужой культуры возможно с признанием ценности своей. По поводу последнего точно высказывание философа Д.В. Пивоварова о том, что «постичь и пережить культуру» способен только «ее носитель – человек, умеющий “читать” идеалы» (Свастьян, 1987. С. 29).

В целом противоречия в толерантном становлении проявляют сложность отношений социального и индивидуального, их несводимость. Согласимся с М.К. Горшковым, что в идентификации молодежи, несмотря на ее противоречивые видения, особо важны духовно-ценностная преемственность и учет двух путей идентификации: «интеграции в традиции (бесконфликтное воспроизводство), дифференциации по социально-профессиональным “ячейкам” (конфликт поколений)» (Горшков, 2019. С. 19).

Невозможность одностороннего пути идентификации из указанных, ненужность этого убеждают в важности поддержания в растущей личности ценности каждого выбора, поскольку продуктивен хоть порой ситуативный, но духовно ценный выбор. Умения к чему необходимо складывать в обществе, начиная с философии образования, но чем нельзя органичиваться, поскольку почвой многих изменений выступает примат экономического фактора, развитие же социального интереса личности полезно в преодолении такой ситуации.

Литература

Бабошина Е.Б. Индивидуалистические и коллективистические позиции студентов как выражение менталитета российского общества // Философское осмысление теории и практики современного профессионального образования : сб. ст. Приложение к журналу «Философия образования» / ред. А.Ж. Жафьяров, Н.В. Наливайко, В.И. Паршиков [и др.]. Новосибирск, 2006. Т. XVIII. С. 115–125.

Бабошина Е.Б. Коллективистические и индивидуалистические тенденции современного воспитания // Личность в современном мире : материалы Междунар. конф. 24–25 апреля 2001 г. Курган, 2001. С. 3–8.

Бабошина Е.Б. Ценностные ориентиры поликультурного образования и принципы индивидуализма и коллективизма // Философия образования. 2006. № 2. С. 331–337.

Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. 275 с.

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000.

Веселова В.В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Педагогика. 1999. № 8. С. 91–100.

Горшков К.М. Российская молодежь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (38), № 4. С. 16–24.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2013. 81 с.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 23–46.

Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналит. докл. М.: ИС РАН, 2011. 297 с.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 399 с.

References

Baboshina, E.B. (2006). Individualistic and collectivistic positions of students as an expression of the mentality of the Russian society. *Philosophical understanding of the theory and practice of modern professional education: Appendix to the journal "Filosofiya obrazovaniya"*. A. Zh. Zhafyarov, N. V. Nalivayko, V. I. Parshikov (Eds.). Novosibirsk, vol. XVIII, 115-125. (in Russian).

Baboshina, E. B. (2001). Collectivistic and individualistic tendencies of modern education. *Lichnost' v sovremennom mire: Mat. Conf. April 24-25, Kurgan*, 3-8. (in Russian).

Baboshina, E. B. (2006). Value orientations of multicultural education and principles of individualism and collectivism. *Filosofiya obrazovaniya*, 2, 331-337. (in Russian).

Baeva, L.V. (2004). Values of the changing world: Existential axiology of history. Astrakhan.

Baudrillard, J. (2000). In the shadow of the silent majority, or the End of the social. Trans. from French N.V. Suslov. Ekaterinburg: Izdatel'stvo YurGU.

Veselova, V.V. (1999). Mentality of American society and humanistic paradigm of education and upbringing. *Pedagogika*, 8, 91-100. (in Russian).

Gorshkov, K.M. (2019). Russian youth: to the history and role in modern society. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 8 (38), 4, 16-24. (in Russian).

Gorshkov, M.K., Tikhonova, N.E. (2013). Sociocultural factors of consolidation of the Russian society. Moscow: In-t sotsiologii RAN.

Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2012). Russian youth: the origins and stages of sociological study. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 3, 23-46. (in Russian).

Twenty years of reforms through the eyes of Russians (experience of long-term sociological measurements) (2011). Analytical report. Moscow.

Durkheim, E. (1994). Suicide: a sociological study. Moscow.

Идентичность современной России: кризис ценностей, поиск смыслов и пути конструирования: круглый стол / вед. круглого стола С.В. Иванова, В.Д. Нечаев, Т.В. Евгеньева // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 10–26.

Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 1998. 280 с.

Ковалев В.В. Роль и значение аксиологических стереотипов для формирования устойчивости развития социальных институтов российского общества // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1. С. 60–69.

Кожевникова Т.М. К вопросу о природе русского коллективизма // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 75–77.

Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 3. С. 73–87.

Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учеб. пособие. М., 1999. 224 с.

Левашов В.К. Размышления над новой книгой. Фантомы нашей жизни (Ин-т социолит. исслед. РАН). Режим доступа: socioprognoz.ru/files/File/2015/Tosh/levashov.pdf.

Лубский А.В. Дискурсы о национальной и цивилизационной идентичностях в России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 24–32.

Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 90–103.

Муравьев И.Б. Экзистенциальный диалог в современной ментальности: дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 1998. 173 с.

Немчина В.И. Российский опыт формирования идентичности в обществе переходного типа // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2 (18). С. 58–65.

Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. М.: Педагогическое общество России, 2000. 304 с.

Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.

Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Вол-

Identity of modern Russia: crisis of values, search of meanings and ways of structuring: Round table (2012). Ved. Round table S.V. Ivanov, V.D. Nechaev, T.V. Evgeneva. *Tsennosti i smysly*, 5 (21), 10-26. (in Russian).

Ionin, L.G. (1998). Sociology of culture: textbook. 2nd ed. Moscow: Logos.

Kovalev, V. V. (2015). Role and value of axiological stereotypes for formation of stability of development of social institutions of the Russian society. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 1, 60-69. (in Russian).

Kozhevnikova, T.M. (2012). On the nature of Russian collectivism. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, 2, 75-77. (in Russian).

Lebedeva, N.M. (2000). Basic values of Russians at the turn of the XXI century. *Psikhologicheskij zhurnal*, 21 (3), 73-87. (in Russian).

Lebedeva, N.M. (1999). Introduction to ethnic and cross-cultural psychology: textbook. Moscow.

Levashov, V.K. (2015). Reflections on a new book. The phantoms of our lives (Institute of social-polit. research. RAS) Available at: socioprognoz.ru/files/File/2015/Tosh/levashov.pdf.

Lubsky, A.V. (2014). Discourses on national and civilizational identities in Russia. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2014, 2, 24-32. (in Russian).

Lubskij, A.V., Lubskij, R.A. (2013). Etatism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 3, 90-103. (in Russian).

Murav'ev, I.B. (1998). Existential dialogue in modern mentality (Candidate Dissertation, Tyumen).

Nemchina, V.I. (2016). Russian experience of identity formation in society of transitional type. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2 (18), 58-65. (in Russian).

Nikandrov, N.D. (2000). Russia: socialization and education at the turn of the Millennium. Moscow: Pedagogical society of Russia.

Parsons, T. (2002). On social systems. Moscow.

Polezhaev, D. V. (2003). The Idea of

гоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 360 с.

Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. 424 с.

Свасьян К. А. Человек как творение и творец культуры // *Вопр. философии*. 1987. №6.

Серебряный А.Я. Восточноазиатская цивилизация: от возникновения до конца XIX века. Волгоград: Перемена, 1999. С. 8.

Триандис Г. Индивидуализм и коллективизм: прошлое, настоящее и будущее // *Психология и культура* / пер с англ.; под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.

Триандис Г. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.

Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997. С. 112–123.

Черная Л.А. «Новая философская антропология» М. Шелера и история культуры // *Вопросы философии*. 1999. № 7. С. 127–140.

Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // *Общество и экономика*. 1999. № 10–11. С. 65–72.

mentality in the Russian philosophy of the "Golden age". Volgograd: Izdatel'stvo VolGU.

Russia and China: youth of the XXI century, 2014. M. K. Gorshkov, Li Chunlin, Z. T. Golenkova, P. M. Kozyrev (Eds.). M.: Novyy khronograf.

Svasyan, K. A. (1987). Man as a creation and creator of culture. *Vopr. filosofii*, 6.

Serebryaniy, A.Y. (1999). East Asian civilization: from the beginning to the end of the XIX century. Volgograd: Peremena, 8.

Triandis, G. (2003). Individualism and collectivism: past, present and future. *Psychology and culture*. Translated from English. D. Matsumoto (Ed.). SPb.: Peter.

Triandis, G. (2007). Culture and social behavior. M.: Forum..

Heidegger, M. (1997). Introduction to metaphysics. Trans. from German N.O. Guchinskaya. SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.

Chernaya, L.A. (1999). "New philosophical anthropology" by M. Scheler and the history of culture. *Voprosy filosofii*, 7. 127-140. (in Russian).

Yadov, V. A. (1999). Russia as a transforming society: summary of the long-term discussion of sociologists. *Obshchestvo i ekonomika*, 10-11, 65-72. (in Russian).

Поступила в редакцию

19 октября 2019 г.